

Несмотря на усиленный контроль государства над всеми сферами жизни общества, постепенно идет создание акционерных обществ и обществ других организационно-правовых форм. В 1921 г. кооперативная деятельность продолжала развиваться и регламентироваться законодателем. Например, высшими институтами государственной власти ССРБ и РСФСР принимаются законодательные акты о различных видах кооперации, допускаемой в ССРБ: потребительской, промышленной и сельскохозяйственной.

В то время советская власть уже пришла к выводу, что без предоставления каждому возможности осуществлять экономическую деятельность, в том числе коллективно, а значит и без предпринимательства и торговли, невозможно восстановить отрасли народного хозяйства. Принятый 7 июля 1921 г. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О кустарной и мелкой промышленности» регламентировал право каждого гражданина свободно заниматься кустарным промыслом, а также организовать мелкое промышленное предприятие. Кроме того, предполагалось, во-первых, идти по пути кооперирования мелких производителей, во-вторых, создавать условия наибольшего благоприятствования для тех отраслей, которые обслуживают промышленные предприятия или работают «по заданиям государства».

В результате создаются частные предприятия с возможностью регистрации по упрощенной системе с числом наемных работников не более 20. Кроме того, частному лицу (владельцу мелкого предприятия) дозволялось свободно распоряжаться продуктами и изделиями своего производства.

Декретом ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» были закреплены новые имущественные отношения. К слову, некоторые ученые полагают, что указанный Декрет как некое послабление, восстанавливающее свободу частнокапиталистических отношений, был принят под давлением требований иностранных буржуазных государств, выдвинутых на Генуэзской и Гаагской конференциях в 1922 г. Необходимо уточнить, что указанные международные форумы имели большое значение для правительства РСФСР, которое не имело тогда международного признания.

Тем не менее упомянутый Декрет предоставлял гражданам право на территории РСФСР, союзных и договорных с ней советских республик организовывать промышленные и торговые предприятия, заниматься дозволенными профессиями и промыслами с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда, а также определенный перечень имущественных прав, среди которых право собственности на отдельное движимое и недвижимое имущество. Провозглашалась судебная защита имущественных прав и в принципе решался вопрос о юридических гарантиях экономических прав личности.

При этом в период нэпа рыночная экономика последовательно становилась плановой. Вскоре была учреждена Государственная плановая комиссия при Совете Труда и Обороне СССР или Госплан. С 1924 г. цены на все товары стали регулироваться государством, а значит прибыль уже не могла иметь в полной мере самостоятельного значения.

Таким образом, нэп представлял собой вынужденный компромисс между административно-плановой и рыночной системами экономики: планирование сочеталось с рыночными отношениями; предоставлялись определенные возможности в осуществлении экономической деятельности; допускалось несколько форм предпринимательства (наряду с государственным и государственно-капиталистическим было кооперативное и мелкое частное, создавались частные мелкие предприятия). Вместе с тем такая государственная экономическая политика продолжалась недолго. Конституция СССР 1924 г. не закрепляла ничего нового для частных субъектов народного хозяйства, в том числе не предоставляла права на осуществление экономической деятельности. При этом отсутствие подобных норм в союзной конституции не исключало возможности их закрепления в конституциях союзных республик.

Возможность закрепления экономических свобод нашла поддержку на XIV конференции РКП(б) в апреле 1925 г., на которой секретарь ЦК В.М. Молотов отметил, что «курс на развертывание рыночных отношений и товарооборота по всей стране является основной линией партии». Однако конституционного закрепления положений, способствующих развитию частной экономической деятельности, как показало время, так и не случилось. Например, в Конституции БССР от 11 апреля 1927 г. ни о какой возможности личности на осуществление экономической деятельности речи не идет. В последующем СССР, а вместе с ним и БССР переходят к проведению политики реорганизации народного хозяйства: постепенно вытесняются мелкие и частнохозяйственные элементы из отраслей экономики, на смену приходит коллективизация, индустриализация, дальнейшее развитие плановых начал в экономике, и уже к 1928 г. нэп был фактически свернут.

Таким образом, экономические свободы, предоставленные гражданам в годы нэпа, так и не стали конституционными, поскольку не нашли своего должного закрепления. Завершение нэпа отрицательно сказалось на развитии экономической деятельности, привело к полному упразднению ее осуществления со стороны частных субъектов.

УДК 340.114.5

Е.И. Стабровский

ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Обращение к теории правового сознания требует уяснения содержания рассматриваемого понятия. Результатом правовых исследований явился устоявшийся в науке подход к правовому сознанию как форме общественного сознания, психическому отражению действительности, совокупности взглядов, идей, представлений, отношению к праву. Достижения современной науки позволяют по-новому взглянуть на понятие и устоявшиеся характеристики правового сознания.

Окончательное формирование теории правового сознания произошло еще в советской юриспруденции с методологической опорой на советскую психологию сознания, а также на советскую методологию юридической науки.

Основываясь на достижениях советской теории правового сознания, большой вклад в разработку понятия правосознания внесли белорусские правоведы. Так, профессор Н.А. Горбаток определяет правосознание как одну из форм общественного сознания, представляющую собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, правовым явлениям, поведению людей в сфере права. Такой же позиции придерживаются профессор А.Ф. Вишневецкий и профессор В.А. Кучинский. Е.В. Боровая, исследовавшая правосознание как фактор формирования правового государства, дополняет определение правосознания оценочно-ценностными характеристиками и социально-правовым самоконтролем его носителей. Е.М. Ефременко, занимающаяся исследованием правосознания молодежи, дополняет определение правосознания социокультурным элементом и рассмотрением его в эволюции правовой жизни. Исследователь отмечает необходимость рассмотрения правосознания как обобщенной формы активного психического отражения социально-правовой жизни. В свою очередь, Н.М. Юрашевич рассматривает правовое сознание как форму (сферу, область) общественного сознания и элемент правовой действительности. Правовое сознание в ее определении – это «система чувств, привычек, представлений, оценок, взглядов, теорий, идей субъектов права (носителей правосознания), отражающих правовую действительность и оценочное отношение к ней (к социально-правовым установкам и ценностным ориентациям в обществе; к прошлому, действующему и ожидаемому праву) и выполняющих посредством этого роль своеобразного регулятора (саморегулятора) их поведения в юридически значимых ситуациях». К преимуществам данного определения следует отнести обращение к ценностным ориентациям общества.

Автор пособия по общей теории права И.Л. Вершок отмечает, что сущность правосознания «сводится к правдивому (правильному) осознанию индивидами социально-правовой действительности». Ученый подчеркивает, что правосознание является особым видом сознания и представляет собой «сложный и комплексный волевой юридически значимый процесс правильного восприятия, отражения, осмысления и выражения идеализированной в индивидуальном человеческом мышлении социально-правовой действительности». Как видим, автор обращается к человеческой индивидуальности, использует категории психологии для описания функционирования правового сознания.

Белорусский ученый В.И. Павлов делает акцент на сравнении правового сознания и правовой субъективации. Он отмечает, что эти понятия не тождественны друг другу, хотя и близки. В.И. Павлов указывает на то, что «правовая субъективация – это не только отражение в сознании правовой реальности, момент ее интеллектуального восприятия, она есть руководимый самосознанием процесс формирования человека юридического на основе личностных характеристик и воспроизводящихся в повседневности личностных ценностей, которые конституируют человека».

Трактовка правового сознания как сферы общественного сознания нашла отражение в трудах других отечественных и зарубежных ученых. С.В. Липень и В.В. Лазарев придерживаются устоявшейся концепции определения правового сознания и используют в определении категорию юридической действительности. И.Б. Богородицкий и А.Ю. Соловьев трактуют правосознание как «отражение элементов правовой системы в психике человека». В.С. Нерсесянц рассматривает правосознание как форму осознания права как специфического явления социальной действительности. В.И. Бегинин делает попытку трактования правосознания через современную концепцию прав человека и теорию правового государства.

Глубокую разработку ментальных и духовно-культурных оснований правового сознания осуществил Р.С. Байниязов. Правосознание он определяет как «фундаментальное духовное образование, определяющее развитие правовой действительности». Нравственную сторону правового сознания отметил в своих работах Э.Ю. Соловьев. Правосознание, по его мнению, является не простым отражением в индивидуальном сознании действующих нормативных правовых актов, а представляет собой ориентацию на идеал правового государства, определяющий практическое поведение человека как гражданина. Теоретико-методологическое исследование правосознания как категории правоведения провел С.Н. Касаткин. Исследователь замечает, что правосознание «есть особая, нередуцируемая к отражению официальных текстов и нормативов социальная ментальная практика, имеющая собственную онтологию, специфику, закономерности и механизмы функционирования и развития». Т.С. Власова обращается к ценностному социальному нормированию при рассмотрении индивидуального правосознания. Исследователь отмечает, что это «форма сознания личности, в которой через призму правового идеала, детерминируемого социокультурными условиями и правовым бессознательным, отражено его отношение к социально-правовой действительности». В.С. Бреднева развивает теорию правового сознания и дополняет устоявшееся определение тем, что правосознание – это «специфическая функция особым образом организованной материи (человеческого мозга) отражать явления правовой действительности и целенаправленно регулировать свое взаимодействие с ней». В.С. Бреднева указывает в исследованиях на наличие в правовом сознании ценностей, ценностно-правовых ориентаций.

Обобщая результаты многочисленных исследований, представляется возможным сформулировать общие характеристики правового сознания, отмечаемые в его определении, которые условно можно разделить на две группы. К первой группе следует отнести представления о правосознании как о форме (сфере) сознания; функции человеческого мозга; форме активного психического отражения правовой жизни; системе чувств, привычек, представлений, оценок, взглядов, теорий, идей; отражении правовой действительности, оценочном отношении к ней, где объектом правосознания выступает действующее и желаемое право. Вторую группу составляют характеристики, которые стали чаще использоваться или введены в последние три десятилетия: социальная ментальная практика; фундаментальное духовное образование; ориентация на идеал правового государства; введение в правосознание категории правового бессознательного.

Современная юридическая наука использует достижения современной психологической науки. Особенно это касается психологии сознания, которая в несколько последних десятилетий развилась до открытия строения человеческого мозга, его клеток (нейронов) и на экспериментальных основаниях существенно углубила понимание природы и функционирования человеческого сознания. Данные достижения необходимо использовать в современных исследованиях правового сознания.

УДК 343.8

В.А. Якимов

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Возникновению на территории Республики Беларусь следственных изоляторов как учреждений, основной задачей которых является исполнение меры пресечения в виде содержания лиц под стражей, предшествует историческое становление и развитие такого понятия, как заключение под стражу. Для определения периода возникновения и предпосылок создания следственных изоляторов кратко рассмотрим его историческое развитие.

Так, первые упоминания о заключении под стражу встречаются в международных договорах Руси и отдельных русских городов, начиная с X в. Заключение под стражу по своей сути как мера пресечения встречается в последующих договорах Руси с немцами 1195 г. (ст. 13) и 1229 г. (ст. 8, 9), а также в Двинской уставной грамоте 1397 г. В качестве мест содержания под стражей служили «темницы» крупных феодалов, которые использовали их в большей степени для заключения своих политических врагов.

На белорусской территории в период ее вхождения в состав ВКЛ отношения, связанные с заключением под стражу, регулировались такими правовыми документами, как Судебник Казимира IV Ягеллона 1468 г., затем Литовскими статутами 1529 г., 1566 г. и 1588 г. Что касается мест заключения, в Судебнике 1468 г. и Первом Статуте они именуются понятиями «казнь», «нятство», «везение». Во Втором и Третьем Статуте место заключения характеризуется как сооружение, строение в большей степени («вежа», «замок», «турма»).

Во многом схожие положения, характеризующие заключение под стражу, действовали в ВКЛ и Русском централизованном государстве в XVI в. До принятия решения по делу заключение под стражу, выражавшееся в содержании в кандалах или деревянных колодах в ямах, погребках, подземных острогах, клетках в домах приставов, а также земских и губных избах, где служили приставы, зависело от того, брало ли общество или частные лица под свою ответственность предполагаемых преступников «на поруки». Таким образом, заключение под стражу осуществлялось только при отсутствии у подсудимых лиц поручителей.

В XVI в. в Российском централизованном государстве и ВКЛ основным видом наказания являлось тюремное заключение, причем в России оно использовалось в большей мере наравне со ссылкой. Заключение под стражу как мера пресечения не выделялась, но тюремное заключение как предварительная мера использовалось.

Впоследствии большое влияние на изменение и развитие заключения под стражу и становление тюремной системы оказал проект Устава о тюрьмах 1787 г. Екатерины II, в котором закреплялись важнейшие организационные аспекты содержания в тюрьмах. Однако данный проект на практике не был реализован в связи с тем, что изложенное в нем не соответствовало реальным возможностям России, в том числе финансовым.

Проект Устава о тюрьмах 1873 г. стал первой попыткой создания единого закона, регулирующего деятельность тюремных учреждений в Российской империи. В нем внимание уделялось устройству тюремных зданий и условиям содержания заключенных: предусматривалось раздельное содержание подсудимых от других категорий арестантов, разделение тюрем на гражданские и уголовные, к уголовным относились предварительные, предназначенные для подсудимых, подсудимых и задерживаемых полицией в административном порядке, и исполнительные – для отбывающих наказания по приговору суда. Предварительные учреждения разделялись на полицейские (подстрадные) и судебные (приговорные).

Таким образом, в досоветский период в Российской империи, в том числе на территории Беларуси, еще не сформировались теоретико-правовые взгляды на такой отдельный вид учреждения, как следственный изолятор. Первым прообразом такого учреждения, по нашему мнению, можно считать предварительные тюремные учреждения, отраженные в проекте Устава о тюрьмах 1873 г.

Образование советских республик привело к значительным изменениям в сфере заключения под стражу. Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 23 июля 1918 г. вводило новые виды мест лишения свободы, однако ввиду недостатка финансирования были реализованы только тюремные больницы и общие места заключения. В результате задачи мест предварительного заключения фактически выполняли общие места заключения. В ноябре 1920 г. принимается Положение об общих местах заключения РСФСР, в котором предусматривалось раздельное содержание лиц, отбывающих наказание, и подсудимых, которые размещались в одиночных камерах. Подробные нормы, регламентирующие режим в местах заключения под стражу и меры воздействия на нарушителей режима, в вышеуказанных документах не предусматривались.

Принятый в 1923 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (УПК БССР принят также в 1923 г.) определяет заключение под стражу как один из видов мер пресечения и в последующих статьях устанавливает особенности назначения данной меры пресечения. В октябре 1924 г. был принят первый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (ИТК БССР был принят в октябре 1926 г.), в котором была заложена прогрессивная система исполнения наказаний в виде лишения свободы, однако до 1930 г. не предусматривалось наличие самостоятельных учреждений, исполняющих меру пресечения в виде заключения под